

ДВА СПЕКТАКЛЯ

«Дети Ванюшина» — талантливое произведение русской дореволюционной драматургии. Найденов с такой силой показал неизбежный распад старой купеческой семьи, столкновение отцов и детей, изуродованных миром нажимы, отравленных ложью, что и сейчас это честная и правдивая пьеса продолжает волновать зрителя.

А какое творческое удовлетворение способен получить каждый актер, занятый в «Детях Ванюшина»! В пьесе, написанной превосходным языком, четкой по своему сюжету, нет плохих, невыразительных ролей. Любая из них дает возможность создать художественный образ.

Ставя «Детей Ванюшина», можно чрезмерно увлечься бытом, мелодраматическими эффектами и извести тем самым богатство содержания Найденовской драмы до уровня частного случая. Под крышей дома Ванюшиных, в спектакле, поставленном П. Н. Трапезниковым, мы видим, совершаются события, типичные не только для одной семьи. Есть в нем тот нерв, тот накал, который сообщает всему происходящему на сцене значительность и правду. И все же, даже в этом, сравнительно удачном спектакле, еще слишком много разногласия, неровной актерской игры, режиссерской торопливости, внешнего и поверхностного понимания образов пьесы.

Старика Ванюшина умно и правдиво играет Трапезников. Но нас, признаться, раздражала та чрезмерная сдержанность, с которой ведет роль опытейший актер театра. Все им намечено верно, он умело раскрывает драму этого, в сущности, одинокого и по-своему несчастного человека, но он, словно, не решается сыграть роль в полную силу своего темперамента и дарования, а в результате иногда создается впечатление, будто актер только внешне несет этот образ. И грим, точнее почти полное его отсутствие, невыгодно, не помогает Трапезникову. Очень он уж светлый, благородный этот купец Ванюшин без бороды.

Глубоко правдива Истомина в роли Арипы Цвановны. В ее глазах, то мука за

детей своих, то страх перед грозным мужем и любовь к нему, страдающему от своего бессилия перед нагрянувшей катастрофой, то жгучая человеческая обида, тоска, растерянность...

И девочки-гимназистки хороши в спектакле: Аня — Федорова, Катя — Мануковская. Лену, племянницу Ванюшина, просто и тепло играет Ващенко. Кстати, все эти молодые актрисы лишь недавно окончили Воронежское театральное училище.

Говоров — Алексей искренен в своем протесте против лжи и фальши, свинившей себе гнездо в доме Ванюшиных, но в его игре есть еще излишняя невравстительность, резкость, мешающие актеру глубже раскрыть образ юности, который понял, что землю населяют и не такие люди, как его отец, брат, сестры.

К сожалению, в спектакле не все образы нашли достойное воплощение. Нередко текст пьесы оказывается куда более значительным и полновесным, чем игра того или иного актера. Смотришь Сперанского в роли Щеткина — этого законченного паняка и мещанина, вносящего «много сора и грязи» в семью Ванюшиных, и убеждаешься в полной беспомощности актера. Константин Ванюшин — делец новой формации, оказался просто не по плечу Юрьеву, который от начала и до конца спектакля так и не пашунал истинных черт этого характера. Малоубедительны Медведев в роли куличика Красавина и Введенская — Людмила. Беда этих актеров заключается в том, что они уж очень явно играют, а не живут в спектакле.

Мы остановились далеко не на всех исполнителях, но и этот беглый очерк позволяет сделать вывод, что в спектакле не все доведено до конца, не все продумано. Психологическое богатство некоторых образов осталось нераскрытым. Кое-кто из актеров сумел добросовестно выучить текст, но не постиг дутью своих героев.

* * *

В ожидании умной советской комедии театру пришлось поставить «Страшный

суд» Шкваркина. Талантливость драматурга пробивается сквозь величественную шелуху и в этой пьесе, населенной приуги-манскими, анекдотичными человечками. Очень жаль, однако, что драматург так привязался к своим, потертым молью, героям, что комическое стало у него синонимом шутовского, что комедиями своими он стремится лишь смешить публику, вместо того, чтобы зло высмеивать и обличать тех, кто этого заслуживает.

Салтыков-Щедрин когда-то писал: «глупые пьесы следует играть как можно скорее», утверждая, что это «отвадит плохих авторов от привычки ставить плохие пьесы на сцену». Не знаем, придерживались ли актеры, занятые в «Страшном суде» этого, несомненно, мудрого совета, но большинство из них играет действительно скверно. Беда заключается только в том, что Шкваркин далек, он не увидит спектакля, а зритель от такой игры явно пострадает.

Нет, если уж взялись ставить «Страшный суд», так прежде всего сами поверьте в то, что будете играть; пусть перед вами только условный мир, но вы постарайтесь увлечься всеми этими Блажевичами, Родионовыми, дамами, ищущими мужей, влюбленными парикмахершами. Без увлечения, без веры — игра не стоит свеч. Лучше уж тогда совсем не браться за пьесу.

В спектакле Борисоглебского театра, поставленном П. Н. Трапезниковым, кое-кто из актеров просто не умеет играть комедию (Сердобинцева — Анна Павловна, Сперанский — журналист Семеркин, Светлов — директор Дружинин), а часть актеров «нажимает» настолько сильно, что этого не могут выдержать даже самые неслепые персонажи Шкваркинской пьесы. И Валентину Николаевну, ищущую себе очередного мужа, и месткомовского деятеля Родионова, увлеченного «разоблачительством», драматург изобразил в известной мере сатирически. Казалось бы, за это, прежде всего, должны были хвататься актеры. Между тем, Введенская пошла дельцом по линии внешних преувеличений, ее игра в роли Валентины Николаевны — образец дурного вкуса, а Говоров весь спектакль проходил с порт-

фелем по сцене, даже не попытавшись что-нибудь сделать со своим «разоблачителем».

Взяточник Блажевич, в исполнении Казачковского, лучше в первой половине спектакля и совершенно непостижим в финале, когда актер наделяет его чуть ли не трагическими интонациями. Очень смешно, хотя и не всегда достаточно свободно, играют взяточдатеи Изнанкина Юрий. Актер нашел для этого персонажа характерный жест, выразительную мимику. Его Изнанкин и трус и наглец, над ним хочется посмеяться, и его действительно хочется отдать под суд — туда такому и дорога!

В хорошем тоне ведут роли: парикмахерша Клары — Кирова и домработницы Дарья Блиновой — Мануковская. В игре Кречетовой — Софья Сергеевна, Истоминой — жена Изнанкина и Нефедова — зонтных дел мастер — есть комедийность, но она у них тусклая, приглушенная.

Вообще же спектакль «Страшный суд» производит впечатление чего-то незавершенного, незавершенного. Услышав удачную реплику — станет на мигу смело, потом, вдруг, улыбнется какому-нибудь остроумному сюжетному ходу, но в общем до конца спектакля так и останется равнодушным.

Театр скептически отнесся к героям Шкваркинской пьесы. Одни актеры словно постарались приберечь свои силы для более подходящего случая, видимо, решив, что смешное в «Страшном суде» может быть смешным и без их хлопот, другие же забыли, что подлинное искусство заключается всегда в самоограничении. С этими своеобразными точками зрения на искусство актерской игры в комедии мы познакомились на спектакле. Но от них пьеса Шкваркина, разумеется, не выиграла.

Борисоглебский театр пробудет в Воронеже весь август. Впереди у него еще несколько спектаклей. Сейчас рано говорить об итогах.

Н. САДКОВОЙ.

Ответственный редактор
Ф. ГАЙДУКОВ.